

Премия имени
Владимира Гиляровского
представляет публициста

Александр Гриценко

**НА ВСЕ ЕСТЬ
ДЕДЛАЙНЫ!**

Интернациональный Союз писателей

Александр Гриценко

На все есть дедлайны!

«ПЦ Александра Гриценко»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гриценко А. Н.

На все есть дедлайны! / А. Н. Гриценко — «ПЦ Александра Гриценко», 2015 — (Премия имени Владимира Гиляровского представляет)

ISBN 978-5-457-92661-5

Александр Гриценко – драматург, прозаик, литературным критик, продюсер. Лауреат литературной премии «Дебют» и дипломант литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова» в номинации «Драматургия» (2005), финалист литературной премии «Нонконформизм издательства «Независимая газета» и приложения «Экслибрис НГ» в номинации Рассказ (2012), лауреат литературной премии им. И. И. Хемницера (2013). Председатель правления Интернационального Союза писателей, первый заместитель главного редактора журнала «Российским колокол».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-457-92661-5

© Гриценко А. Н., 2015
© ПЦ Александра Гриценко, 2015

Содержание

Золушка, превращающаяся в принцессу	5
Статьи	8
Андрей Тарковский: в кино за утерянным временем!	8
Поэт и режиссер	8
Символ правды – красота!	9
Путь в искусство	10
От «Ивана» до «Андрея»	11
Семь фильмов	11
Страсти по Андрею	12
Евгений Шварц: обыкновенное чудо – любовь	14
Ребенок до старости	14
Из юристов в актёры	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Гриценко

На все есть дедлайны!

Золушка, превращающаяся в принцессу

Публицистика в нашей литературе в последнее время превратилась в Золушку. Слишком уж утилитарная у неё роль. Газетами, равно как заводами и пароходами, владеют дяденьки с пузатыми кошельками, заказывающие в прессе публицистическую музыку. А ведь в Литинституте функционирует семинар публицистики, где учатся законам этого прекрасного, в основе своей, жанра. Инициатива Интернационального Союза Писателей по созданию премии для публицистов заслуживает всяческого одобрения, равно как и то, что совместно с премией запускается одноимённая книжная серия. Не случайно премия носит имя Владимира Гиляровского. Пусть он и не был публицистом в современном понимании, но его внимание к деталям и склонность к увлекательному бытописанию делают его текст куда как публицистическим. А его жажде правды стоит поучиться многим современным литераторам.

Под знаменем дяди Гиляя сегодня есть смысл выстроиться многим. Ведь мир требует переосмысления не только на поле художественных текстов, но и под беспристрастным объективом публицистов. Быстро меняющаяся реальность всё настоятельнее требует тех, кто зафиксирует в слове все её трансформации. Уже почти умерший жанр очерка стремительно возрождается, поскольку всеядность информационных таблоидов вызывает всё меньше доверия.

Любой соревновательный момент в литературе носит условный характер. Наверное, так будет и в этой премии. Однако уровень уже известных соискателей никаких сомнений не вызывает. Саша Кругосветов в несколько лет преодолел дистанцию от дебютанта до литератора, с творческими дискурсами которого невозможно не считаться. Публицистичностью пронизано всё его творчество, как и книги для детей. Ему нравится добавлять к тексту публицистическую приправу. Он безупречно чувствует её вкус, остроту и необходимость. Его публицистические откровения сочетают в себе предельную искренность на грани беззащитной наивности и неторопливую вдумчивость вкупе с недюжинной эрудицией. При этом в каждом слове сквозит природная, не заёмная интеллигентность, не позволяющая не только не перейти грань хорошего литературного тона, но и благородно пощадить даже самого неприемлемого оппонента. Познакомившись с книгой Кругосветова, читатель поймёт, что перед ним – человек отчаянный. Кругосветов не боится делать самые смелые выводы, углубляться в самые загадочные перипетии человеческой мысли в контексте её исторического развития. При всём, это он – мастер сатиры, мастер того, уже почти забытого острословия, не имеющего ни грамма пошлости, фарса или злой издёвки. Сатира Кругосветова восходит к Мольеру: она и классична и классицистична одновременно, при этом, шумное дыхание современности насыщает её кровотоками и непрекращающимся биением жизни. Кругосветов, как никто, понимает, что публицистическая сатира служит не для того, чтобы выявить человеческие недостатки, а для того, чтобы помочь ему их исправить.

Книга Марии Ладовой – это совсем другая история. Это, в прямом смысле, живая книга. Потому что она – важнейший материнский акт, акт материнской любви. Этот текст для Ладовой – баррикада для обороны от горестей жизни, залог того, что все несчастья, рано или поздно, канут в небытие. Не случайно и название «Выше боли». В нём сказано если не всё, то многое. Ладова балансирует между документальным романом и исповедальной прозой.

Читатель настолько проникается историей лечения сына главной героини, что всеми силами приближает хороший конец, боится того, что он не случится. Это – настоящий катарсис.

В книге исследуются многие раны нашего общества. И жестокость, которую можно преодолеть только добротой, и фатальность нашего существования, когда от нас иногда ничего не зависит, мы можем только бесконечными мольбами радеть за наших, попавших в беду близких, и проблематичность нашей медицинской системы, перед которой некоторые чувствуют себя ещё беззащитней, чем перед болезнями, и о великой силе людского взаимопонимания, способной по-настоящему вытаскивать людей с того света. Эта книга о бескорыстии материнской любви. Казалось бы, естественной, но такой сильной, такой негибкой, такой исцеляющей! Если мы сильно кого-то любим, они тоже становятся сильнее и преодолевают самые страшные тяготы. Хорошая, цельная и нужная книга, без литературщины, написанная подлинным художественным талантом.

О книгах Александра Гриценко и Юрия Никитина мне хотелось бы сказать совокупно. И не потому, что оба они – уроженцы Астрахани. Дело в том, что их творческие судьбы – для меня очень личная тема. Не скрою, что с Гриценко меня связывают давние творческие и дружеские отношения, поэтому высказываться о его книге публицистики в комплиментарных тонах мне нет особого смысла. Скажу лишь, что в книге представлены его работы, дающие весьма полное представление о его высоком профессиональном уровне и владении жанром во всех тонкостях. Это и не удивительно. Ведь Гриценко – журналист со стажем. Его культурная публицистика в своё время часто появлялась в центральной прессе, и хорошо, что сейчас она будет собрана под одной обложкой – это позволит по-новому увидеть ту недавнюю давнюю эпоху, которая скоро станет почти неосознаваемой. Для меня крайне важно, что именно Гриценко открыл для меня, уже довольно зрелого на тот момент литератора, Юрия Никитина, прекрасного фундаментального русского прозаика и великолепного бескомпромиссного человека. Публицистика Юрия Никитина из той давней эпохи, когда пишущие люди зависели только от необходимости докопаться до правды, а не от желания понравиться начальству или, что хуже того, акционерам. Его статьи – это подлинный интерактив. Они не абстрактны, а реальны. В них действуют достоверные злодеи и настоящие герои. Его материалы я регулярно читаю в «Литературной газете» и всякий раз наслаждаюсь ими. Приятно, что эти статьи обширно представлены в книге. Юрий Никитин обличает зло и подлость власть предержащих. Он не позволяет нам смириться с этим позорным явлением, бьёт в набат и беспощадно жалит. Надо сказать, что правота некоторых его хлёстких статей подтверждалась через время. Многие его выводы, казавшиеся сначала спорными, потом доказывали своё право на существование самим движением жизни. Привлекает в его творческом методе непрерывное стремление не просто запечатлеть нечто эффектное и по-журналистски выигрышное, а докопаться до причин произошедшего, проследить всю цепочку явлений, выявить первооснову. Так и недавний арест мэра Астрахани Столярова побудил его не к ликованию, а вызвал желание вникнуть в психологическую подоплёку фатального финала крупного городского чиновника. А чего стоят его едкие разоблачения погрязшего в бессмысленных словесных экзерсисах любимца псевдо-либеральной интеллигенции Д. Быкова! Никитин так мастерски разоблачает пустоту его якобы эффектных дефиниций, что хочется воскликнуть: «А король-то голый!»

Желаю премии Гиляровского долгой жизни. Старт её уже можно считать и удавшимся, и удачным. Надеюсь, что она подтолкнёт наше литературно-журналистское сообщество к тому, что золушка из публицистики превратится в принцессу быстро и без лишних проволочек.

Максим Замшев

Александр Гриценко

Статьи

Андрей Тарковский: в кино за утерянным временем!

Когда читаешь многочисленные воспоминания об Андрее Тарковском, то создается впечатление, что в них пишут о разных людях. Таким неодинаковым он казался своим коллегам, друзьям. Понятное дело, что в мемуарах большинства женщин из его съемочных групп, монтажниц и ассистенток о Тарковском, кроме как «ах он был гением!», «его до смерти довела советская власть», «он так вежливо обращался с нами и с актерами!», по существу, ничего нет, и поэтому такие записки схожи. Пустота порождает лишь пустоту.

А вот серьезные люди рисуют совершенно разные портреты кинорежиссёра.

Поэт и режиссер

Судьба сыграла забавную шутку с Андреем Тарковским: он стал известным гораздо раньше своего отца, поэта и классика отечественной словесности, Арсения Александровича Тарковского. Признание к поэту пришло, когда сын был уже известен. Более того, отца для всего мира открыл именно сын, он использовал его стихотворения в фильмах.

А дебютировали они вместе в 1962 году – Андрей Тарковский полнометражной кинолентой «Иваново детство», а отец выпустил свой первый поэтический сборник. Понадобилось несколько лет, чтобы читатели и критики по-настоящему распробовали тексты талантливого поэта, а вот фильм в тот же год получил золотого «Венецианского льва» – и над Андреем Тарковским возник ореол гения. Он никогда не жил в тени славы отца. Скорее наоборот. Но, несмотря на это, нельзя недооценивать влияние отца на Андрея Тарковского в плане эстетики и восприятия мира.

Режиссер утверждал, что если кто и оказал на него воздействие, то только не поэт Арсений Тарковский, потому что тот рано ушел из семьи – Андрею было четыре года, а сестре Марине два с половиной, и мать, Мария Ивановна Вишнякова, воспитала двоих детей сама.

Но киноленты Андрея Тарковского по атмосфере, эстетике очень похожи на поэтический мир Арсения Тарковского, поэтому позволим себе не поверить режиссеру...

Мебель трескается по ночам.
Где-то каплет из водопровода.
От вседневного груза плечам
В эту пору дается свобода,
В эту пору даются вещам
Бессловесные души людские,
И слепые
немые,
глухие
Разбредаются по этажам.
В эту пору часы городские
Шлют секунды туда и сюда,
И плетутся хромые, кривые,
Подымаются в лифте живые,
Неживые и полуживые,
Ждут в потемках, где каплет вода,

Вынимают из сумок стаканы
И приплясывают, как цыганы,
За дверями стоят, как беда,
Сверла медленно вводят в затворы
И сейчас оборвут провода.
Но скорее они – кредиторы
И пришли навсегда, навсегда,
И счета принесли.
Невозможно
Воду в ступе, не спавши, толочь,
Невозможно заснуть, – так тревожна
Для покоя нам данная ночь.

Это написал Арсений Тарковский. То же ощущение пространства и времени, та же метафизическая тоска, что и у сына...

Мать оказалась мудрой женщиной и, несмотря на то, что муж ушел к другой, не запрещала ему видеться с детьми. Хотя эти редкие встречи не уберегли ни Андрея, ни Марину от ощущения сиротства. Потом Андрей Тарковский все это внутреннее, наболевшее предъявил миру в фильмах «Иваново детство» и «Зеркало».

Символ правды – красота!

Итак, Андрей Тарковский родился в доме отчима своей матери в селе Завражье Костромской области. Это было 4 апреля 1932 года. Дом он попытался воссоздать в «Зеркале», однако не точно, а лишь его поэтический образ. Когда он искал натуру для съемок фильма, то побывал и в Завражье, и в городе Юрьевце, в котором семья Андрея Тарковского жила в эвакуации с 1941 по 1943, но ничего подходящего так и не нашел. Режиссер сделал запись в дневнике: «Вот и все, что осталось от посещения Юрьевца», – он имел в виду этикетку от пива «Жигулевское», которую приклеил рядом.

Натуру для фильма он нашел в Подмоскovie, а дом, в котором родился Андрей Тарковский, воссоздали по фотографиям. Перед двором по его просьбе посеяли гречишное поле – для красоты. И несмотря на то, что местные колхозники говорили: «Гречиха никогда в этих местах не взойдет!» – она выросла и зацвела. Все это нужно было для того, чтобы детали заиграли, выстроились, создали только ему понятную эстетику. О тоске по красоте-правде, которая для каждого настоящего художника своя, он скажет в своем последнем интервью уже пред смертью: «Никто не знает, что такое красота. Мысль, которую люди вырабатывают у себя о красоте, сама идея красоты изменяется в ходе истории вместе с философскими претензиями и просто с развитием человека в течение его собственной жизни. И это заставляет меня думать, что на самом деле красота есть символ чего-то другого. Но чего именно? Красота – символ правды. Я говорю не в смысле противоположности «правда и ложь», но в смысле истины пути, который человек выбирает». В этом интервью парижскому журналу «Фигаро-магазин» Тарковский все сказанное сводит к одному: красота – это символ правды. Однако тогда, в 1986 году, он уже подводил итог...

В 1939 году семья Тарковского приехала в Москву, здесь Андрей поступил в школу, но в 1941 пришлось уехать в эвакуацию и вернуться только в 1943. Одноклассником Тарковского был Андрей Вознесенский, они учились вместе в мужской школе № 554 в Стремянном переулке (сейчас это учебное заведение поменяло номер на 1060). Вознесенский посвящал режиссеру и школьному приятелю стихотворение «Тарковский на воротах» и несколько

строчек в мемуарах, в которых он написал, что Андрей Тарковский слыл стилигой, одевался вызывающе, чем педагоги, конечно, были недовольны.

Путь в искусство

Первоначально Андрей Тарковский выбрал совсем другую профессию, он поступил в престижный Институт Востоковедения, но со второго курса его отчислили. Киноведы создали легенду о том, что Тарковский ушел из института, потому что на уроке физкультуры получил сотрясение мозга, долго проболел, а когда выздоровел, то не захотел догонять свой курс. Ничего подобного не было. Как признавалась в интервью сестра Тарковского, когда ее брат поступал во ВГИК, ему просто нужно было указать что-то уважительное в биографии на предмет, почему его отчислили из института Востоковедения, и он придумал это сотрясение, а потом уже теоретики-тарковсковеды сделали выдуманное сотрясение фактом биографии режиссера. Так создаются легенды.

После отчисления Андрей Тарковский уехал на год с геологической экспедицией в тайгу. Шел 1953 год – в это время Берия объявил амнистию уголовникам. Как раз в Сибири, там, куда поехал Тарковский, бесчинствовали бандиты: они захватывали баржи, пароходы и даже целые деревни. По воспоминаниям Марины Тарковской, брат вернулся совсем другим – повзрослевшим, серьезным. В творчестве его таежный опыт почти никак не проявился, если не считать этюд «Концентрат», который он написал на вступительном экзамене во ВГИК. Занимательность и экзотичность Андрея Тарковского мало интересовала, ведь по своей сути он был поэт, а не рассказчик.

К решению поступать в институт кинематографии он пришел случайно. Какой-то знакомый семьи, студент ВГИКа, посоветовал ему: «Иди к нам. Терять тебе все равно нечего». Тогда Тарковский даже не понимал, что такое режиссура. Это потом он скажет: «Я думаю, что нормальное стремление человека, идущего в кино, заключается в том, что он идет туда за временем – за потерянным ли, или за упущенным, или за необретенным доселе. Человек идет туда за жизненным опытом, потому что кинематограф, как ни одно из искусств, расширяет, обогащает и концентрирует фактический опыт человека, и при этом он его не просто обогащает, но делает длиннее, значительно длиннее, скажем так. Вот в чем действительная сила кино, а не в «звездах», не в шаблонных сюжетах, не в развлекательности. Время, запечатленное в своих фактических формах и проявлениях, – вот в чем заключается для меня главная идея кинематографа и киноискусства».

Его сокурсником был Василий Шукшин, и что самое интересное – и Тарковского, и Шукшина советовали Михаилу Ромму, который в то время набирал курс, ни в коем случае не брать. Причины были противоположные: Андрей Тарковский – чересчур образованный, из интеллигентной семьи. В то время было модно учить на сценаристов и режиссеров кого-то из народа, чтобы могли рассказать о своей простой жизни. А что нового мог о простой жизни поведать интеллигент?

У Шукшина была другая проблема – он совсем ничего не знал, не читал даже классику, которую проходят в школе.

Но режиссер не принял советы членов приемной комиссии и зачислил обоих. Старожилы кинематографа говорят – Ромм обладал каким-то потрясающим чутьём на людей, на талантливых учеников.

Во ВГИКе Тарковский встретил первую жену Ирму Рауш и первого соавтора Андрона Кончаловского. В будущем с женой он расстанется, разойдутся их пути и с Кончаловским-Михалковым: правда, от брака останется ребенок, а творческий союз с Кончаловским принесет сценарии кинолент «Иваново детство» и «Андрей Рублев».

Уже в дипломной короткометражке «Каток и скрипка», сценарий для нее они тоже писали совместно с Андроновым, наметилось все то, что сделает Тарковского большим художником-кинорежиссером: тема, стилистика, атмосфера. Особенно характерен для будущего Андрея Тарковского финал короткометражки, где мечта дает силы, чтобы пережить суровую реальность. А вот Кончаловского там не заметно, слишком Андрон и Андрей разные, и оба присутствовать в одном художественном полотне они не могли – должен был кто-то возобладать.

Кстати, работать с соавтором Тарковский стал не по собственной прихоти, его вынудила жизнь. Говоря современным языком, кинопроектов на всех не хватало.

От «Ивана» до «Андрея»

Предложение снять первый полнометражный фильм Андрей Тарковский получил случайно: такой же начинающий, как Тарковский, режиссер Абалов не смог снять фильм. Это произошло по творческим причинам, другими словами – из-за отсутствия таланта.

Первоначальный бюджет на съемку киноленты был 250000 рублей, Абалов истратил 120000, то есть Тарковскому оставалось чуть больше половины. Кстати, ему предложили в самую последнюю очередь, когда все режиссеры отказались снимать с таким весьма скромным бюджетом. Усугублялось дело еще и тем, что фильм был по рассказу Владимира Богомолова «Иван», а этот рассказ в то время считался всемирной классикой.

Андрей Тарковский согласился. Тогда решалась его судьба, ведь если бы он потерпел творческую неудачу, то ему вряд ли доверили что-то другое. Быть бы ему там же, где Абалов – в мусорной корзине. Но он осилил. Фильм получил ряд международных наград, стал известным на весь мир. Сам Жан-Поль Сартр восторженно писал о киноленте «Иваново детство»: «это фильм об утратах истории!» Между Сартром и итальянским писателем Альбертом Моравиа на страницах французской газеты «Юманите» даже разгорелась ожесточенная полемика. Моравио ругал фильм, а Сартр защищал.

Так Тарковский обрел всемирную известность. И было уже совершенно непонятно, почему следующий фильм «Андрей Рублев» долго не выпускали на экраны в СССР. Именно после «Андрея Рублева» началась другая жизнь Тарковского – множество планов на будущее было перечеркнуто. Эта другая жизнь, странное отношение к нему чиновников Госкино заставили его остаться за границей в 1984 году.

Ростропович потом вспоминал, что режиссер во время пресс-конференции, на которой он объявил о своем желании остаться, выглядел нервным и больным, осунувшимся. Как считают сестра и некоторые близкие друзья, именно это решение довело его до скорой смерти. Они же утверждают, что принял он его под давлением второй жены Ларисы Кизиловой.

Семь фильмов

Спиритический сеанс, на котором было предсказано, сколько картин снимет Андрей Тарковский – это не легенда, а истинная правда. Случай, произошедший на даче Тарковских, подтверждают и сестра, и вторая жена, и многие знакомые, которые присутствовали.

Суть произошедшего во время дружеской посиделки вот в чем: чтобы развлечь гостей, режиссер устроил спиритический сеанс, среди прочих он вызвал дух Пастернака и задал ему вопрос: «Сколько я сниму фильмов?» Дух ответил: «Семь. Но хороших». Так и вышло.

Раз – «Иваново детство» (1962), два – «Андрей Рублев» (1966–1971), три – «Солярис» (1972), четыре – «Зеркало» (1974), пять – «Сталкер» (1979), шесть – «Ностальгия» (1983), семь – «Жертвоприношение» (1986).

Подробно говорить об этих кинолентах здесь нет смысла: во-первых, написано о них немало, во-вторых, ну нельзя об этом болтать мимоходом, как минимум нужно писать отдельную статью. Как минимум...

Скажу только, все фильмы Тарковского, едва они появлялись, изумляли не только зрителей, но и искушенных профессионалов. Тарковский немного опережал свое время, на миг, и вскоре этот миг истекал. И тогда все понимали, что так и нужно снимать. Если сказать очень упрощенно: они понимали – в какой истинной гармонии форма и содержание. И тогда сенсация становилась не сенсацией, и кто-то пытался снимать также. У одних получалось лучше, у других – хуже. А фильм Тарковского оставался произведением искусства, даже когда шок от его новизны проходил. Зрителей время не убавляло.

Киноленты Андрея Тарковского оказались коммерчески выгодными. Сборы с его картин не разовые, а растянутые во времени. Я не владею вертикальной статистикой сборов с фильмов Тарковского, но могу представить, что сумма уже набежала солидная.

Страсти по Андрею

В конце статьи вернусь к тому, с чего начал. Так кто же он был – многоликий Андрей Тарковский?

Когда в XIX веке поднялась шумиха из-за утерянных дневников Байрона, Пушкин сказал, что толпа жаждет проникнуть в личную жизнь гениальных писателей, художников, музыкантов, тех, кому подвластна гармония, чтобы удостовериться – они такие же ничтожные, как представители этой толпы. Ухмылки ничтожеств зачастую сводят в могилу талантливых людей, потому что талант художника, режиссера, драматурга, поэта – это, прежде всего, умение чувствовать эмоции людей, окружающий мир, и все завистники, злопыхатели отравляют кровь, сердце, душу гения. Это приводит к преждевременной смерти.

Наверно, Андрон Кончаловский смотрит со своей колокольни, когда говорит о Тарковском как о мнительном, слабовольном человеке, но с диктаторскими замашками. Недаром многие родные выводят Кончаловского-Михалкова как первого завистника Андрея Тарковского.

Я не поддерживаю ни одну сторону, просто сообщаю факты.

Восторженные интервью и воспоминания, сыгравшего главную роль в фильме «Иваново детство» Николая Бурляева, в которых он наделяет своего учителя всеми мыслимыми и немыслимыми достоинствами, выглядят неубедительно. Некоторые из вспоминающих пытаются быть достоверными, но они – Наталья Бондарчук, первая жена Ирма Рауш, вторая жена Лариса Кизилова, кинооператор Вадим Юсов и другие – словно видели своего Тарковского. Это можно объяснить по-разному. Лично мне ближе такая версия – ему приходилось выглядеть разным. От кого-то защищаться, кому-то доверять, от других бежать... Ведь талантливому человеку научиться защищаться от общества жизненно важно. Не имея естественной, природной защиты, её нужно сделать искусственно. Иначе не жить.

Так что они видели лишь маскировочные костюмы, маски. Кто-то больше понял суть Тарковского, кто-то меньше. Но гадать, каким он был, не стоит – самое потаённое он выразил в фильмах. Вот там его истинная натура, душа, внутренний мир, мечты, мысли – всё там. Возможно, что как человек он в чем-то был ничтожным, все мы – люди, но большие художники и ничтожны иначе, чем обыватели в сатиновом блестящем халате.

Не меньше десяти фильмов умерло вместе с ним.

После того как Тарковский решил остаться за границей, он успел снять только «Жертвоприношение», бергмановское по духу.

Мы никогда не увидим его экранизации романов Достоевского, Томаса Манна, «Мастера и Маргариту», «Гамлета», «Гофманиану». Кто виноват в этом – рок или советская

власть? Какая уже теперь разница... В России, любой – царской, советской, современной демократической гениев любят, только когда они уже мертвы. Это называется «культурная некрофилия». Но и Европа не помогла Тарковскому. «Человек не создан для счастья, потому что существуют вещи поважнее, чем счастье», – это он сказал.

Андрей Тарковский умер от рака легких в 1986 году, его прах покоится во Франции на кладбище эмигрантов Сент-Женевьев-де-Буа.

«Вечерний клуб» (приложение к газете «Вечерняя Москва»).
2007, ноябрь, № 11 (1651)

Евгений Шварц: обыкновенное чудо – любовь

Однажды в застольной беседе модный в те времена прозаик Юрий Герман сказал Евгению Шварцу: «Хорошо тебе, Женя, фантазируй и пиши, что хочешь. Ты же сказочник!» Шварц на это ответил в своей манере: «Что ты, Юра, я пишу жизнь. Сказочник – это ты». Нельзя не согласиться, автор пьес «Тень» и «Обыкновенное чудо» во многом был прав: его сказки действительно ближе к жизни, чем большая часть реалистических произведений Юрия Германа.

Ребенок до старости

Многие современники считали его чудачком, большим ребенком: он действительно был горазд на выдумки. Например, прозаики Алексей Пантелеев и Григорий Белых рассказывали и писали о странной истории, приключившейся с ними в стенах ленинградского отделения Госиздата. Тогда они только начинали, недавно выпустились из детдома, а, точнее, из школы социально-индивидуального воспитания и написали первую книгу «Республика Шкид». Рукопись они сначала зачем-то отнесли в отдел образования, а там, оценив творческий потенциал и актуальность текста, передали его в Госиздат. Молодым людям наказали идти в издательство и найти Маршака, Олейникова или Шварца.

И вот семнадцатилетние авторы с трепетом поднимаются на пятый этаж, там находился отдел детской литературы, и вдруг к ним навстречу на четвереньках выходят два человека. Мальчики в панике прижимаются к стенам, чтобы пропустить, но те строго спрашивают:

«Молодые люди, вы к кому?!»

«Нам бы Маршака, Олейникова или Шварца...»

«Шварц, очень приятно!» – представляется тонколицый красивый человек с гладко причесанными на косой пробор волосами и подает переднюю лапу.

Вторым четверолапым был Олейников – своеобразный поэт, великолепный редактор и близкий друг Евгения Шварца. А произошло следующее: устав от работы, тридцатилетние сотрудники Госиздата решили поиграть в верблюдов.

Шварц не утратил в хорошем смысле детскости до самой смерти. Очевидцы утверждают, что даже после первого инфаркта, погрузневший, старый внешне Шварц любил играть с гостями в петушинные бои: противники встают на одну ногу и, заложив руки за спину, пытаются выбить друг друга из очерченного круга животом.

Если Шварцу удавалось победить, то он высовывал язык и дразнился:

«А? А? Будешь еще?!»

Удивительной души человеком был этот Евгений Шварц.

Из юристов в актёры

Шварц по-настоящему попал в литературу поздно, несмотря на то, что мечтал стать писателем с самого детства. «Из уважения я подходил к литературе на цыпочках», – признался он потом. А сначала он вообще поступил в университет на юридический факультет. Однако скоро выяснилось, что такие науки не для него. «Латинское право умирает, но не сдаётся», – писал он в письме к отцу, когда несколько раз провалил экзамен по этому предмету. В 1917 году он бросает Московский университет и отправляется к родителям в Ростов-на-Дону.

Кстати, в том, что сказочник начал с юридического факультета, нет ничего странного. Наоборот, это почти правило. К примеру, Шарль Перро, братья Гримм и Гофман тоже недоучившиеся юристы. Изучение Римского права иногда оказывает и такое влияние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.